

**ЧИТАЙТЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ
АРТУРА ГЕДЕОНА
В СЕРИИ «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»:**

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

ЦИКЛ «ЛЕШИЙ»

ЛЕШИЙ. ХОЗЯИН ЧЕРНОГО ЛЕСА

ЦИКЛ «ЛИЛИТ»

ЛИЛИТ. ЗЛОЕ СЕРДЦЕ КУКЛЫ
ЛИЛИТ. ОГНЕННАЯ ДУША КУКЛЫ
ЛИЛИТ. КУКЛА ИЗ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ

Артур Геден

ЛЕШИЙ

Хозяин Черного леса

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *М. Костенко*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.
Г28 Леший. Хозяин Черного леса / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210170-0

Давно живет на окраинах Царевской губернии легенда о страшном Лешем, хозяине Черного леса. Демон воровал женщин и уводил в свое темное царство.

На детектива Андрея Крымова выходят две молодые дамы, которые побывали на костюмированной вечеринке в отдаленном районе. Главным гостем там стал не человек, а чудовище...

Вскоре Крымов узнает о ритуальном убийстве. В окрестностях Черного леса было обнаружено тело пропавшей девушки. Ее нашли обнаженной, в цветах и подвенечной фате, а вместо вырезанного сердца в грудь вложили жабу.

Крымов понимает, что демон тех мест, давно не дававший о себе знать, снова вышел на охоту...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210170-0

© Гедеон А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

«Это же надо, взять и оставить респектабельный Санкт-Петербург, только-только обретший покой и согласие, и уехать в дикие края! Покинуть светские салоны, прекрасных дам, просвещенных друзей и библиотеки, уйти из-под защиты грозного Сената, гвардейских полков и гарнизонной стражи. И сделать это не когда-нибудь, а в 1778 году! Взять и отправиться на край света, где еще недавно безраздельно властвовали разбойники и вольные казаки, беглые крестьяне и беспощадные башкиры и калмыки и прочее бунтарское отродье. Отправиться на земли, всего пять лет назад обильно политые кровью, а ныне щедро усеянные костями защитников порядка и проклятых бунтовщиков.

Тем не менее все было именно так. На свой страх и риск Иван Иванович Протопопов, небогатый, но знатный дворянин, поручик в отставке, известный в широких петербургских кругах стихотворец и беллетрист, отправился в это опасное путешествие. Старая тетка-помещица, бездетная петербургская матрона, души не чаявшая в племяннике, умоляла его: «Иванушка! Свет мой Иван Иваныч! Голубчик! Окстись Христа

ради! Не губи душу свою понапрасну! К зверям ведь собрался! К нелюдям! Не пущу родимого!»

Но что может помешать храброму путешественнику? Да еще военному? Кто и саблей владеет, и пистолетами, и даже кулачным боем? К тому же которому исполнилось тридцать три года? Должен и обязан был он в этот срок, Господу нашему отмеренный, совершить что-то важное и нужное. Судьбоносное. И отважный Протопопов Иван, под плач домашних и вой старой прислуги, взяв перепуганного до смерти слугу, попросившегося с жизнью, отправился к нелюдям.

Дорога его лежала по тем юго-восточным землям Российской империи, где совсем недавно прокатилось страшной грозой восстание Емельяна Пугачева. Оно охватило всю Яицкую сторону от Уральских гор до Каспия, обширную Среднюю Волгу, вспыхнувшую неистовыми побоищами и пожарами, и разнеслось далеко по разным пределам, от Астрахани до самого Нижнего Новгорода. Всюду на этих просторах бунтовщики брали штурмом царские крепости — большие и малые, жгли помещичьи усадьбы; лиходеи поголовно вырезали дворян, не жалея стариков, женщин и детей, верную прислугу, чиновников, священников, плененных офицеров и солдат; висели они как груши на деревьях, качались на всех перекладах.

Как известно, треклятый казак Емелька выдавал себя за убиенного императора Петра Третьего, оттого разбешенные низы — рядовое казачество, дикие степняки и доверчивый черный люд, — напившись крови, знали, что делают они святое дело, и целились уже на сам Санкт-Петербург. На оплот государства Российского, где в те дни в Зимнем дворце в ужасе трепетала

Екатерина Вторая, а с ней и весь императорский двор. Вот кому не было бы пощады!

Но не вышло у бунтарей. Господь не позволил. Храбрые и жестокие русские полководцы разбили в конечном итоге бунтарское войско, привезли в столицу и казнили самого Емельку и сподручных его, и кое-как наладился мир, оставив только страшный шрам — и на теле самой империи, и в памяти русских людей.

Но крепостной народ, еще недавно расправивший плечи, почуяв и силу свою, и волю к победе, лишь за-таился. Тем паче, что многие говорили: жив их народный царь, жив! И вернется он однажды! И тогда уже ни к кому не будет жалости, и доведут они свое правое дело до конца.

Оттого и непонятно, и душа трепещет от мысли, как же решился Иван Иванович Протопопов отправиться в столь опасную дорогу. А все потому, что он, путешественник и литератор, утвердился в мысли написать историю Пугачевского восстания, пройтись по тем дорожкам, по которым ходил великий казацкий бунтарь, где неистово колобродил; решил своими глазами увидеть ту ширь и вольность, что вдохновили казачьего атамана на великой и страшный поход...»

Бодрый помещик в парчовом халате, с прочной седой шевелюрой и залихватски подкрученными белыми усами, сидевший за английским бюро, увлеченно скрипел гусиным пером. Он то и дело направлял его конец в чернильницу и недовольно выдохнул, когда перо его треснуло и поставило кляксу. Сломанное орудие производства он бросил в одну коробку, а из другой вытащил новое, прихватил канцелярский ножик и умело заточил перо. Сделав это, он взял и заранее набитую

турецкую трубку с длинным мундштуком, щелкнул огнивом разок, другой и с выражением легкого блаженства на лице закурил. Дым потек вверх по его усам и седым бровям, а перед глазами провинциального аристократа поплыли видения давно минувших лет. Он даже зажмурился, вспоминая былое.

На стене, над ореховым бюро, висел портрет императора Александра Второго в широкой раме. Хорош был император при параде, написанный изгнанным из Академии художеств за пьянство одаренным студентом, промышлявшим такими вот заказами. Весело смотрел синими глазами император, с которым помещику довелось пройти по всем европейским маршрутам недавней войны с Наполеоном и остановиться в самом Париже...

Трубка была выкурена, пожилой дворянин взял новое перо, обмакнул его в чернильницу и продолжил писать:

«Ехал Протопопов только днем, да по тем дорогам, что выбирали осторожные чиновники и отважные вестовые, где тут и там стояли восстановленные крепостицы и отряды служилых казаков скорыми разъездами следили за порядком.

И таким вот образом занесло Протопопова сначала в городок-крепость Царев, что стоял на Волге, на излучине; напротив Девьих гор. Городок, еще недавно прогнав дворян, сам открыл ворота Пугачеву, потому и был помилован бунтовщиками, а позже оказался ненавидим в столице и практически забыт. Слуга Ивана Ивановича занемог животом от страху, и Протопопов оставил хворого зайца в Цареве лечиться, а сам отправился на далекие и дикие степные окраины, где жили

татары, мордва, калмыки и другие дичайшие племена, о которых только предстояло написать пытливым этнографам. А вот русских деревень там почти и не было вовсе.

Въезжая в те края, где хозяйничали калмыки, Протопопов Иван был вынужден искать стол и ночлег. Голод-изверг томил путешественника, голову кружил, усталость морила. Но ему повезло — на дороге оказался постоялый двор. Тут и решил заночевать Протопопов.

Придорожную гостиницу держала еще молодая смуглая хозяйка с намешанными степными кровями — оттого блистала она яркой азиатской красотой. В цветастом наряде, с бусами из яшмы по шее и браслетами на запястьях, она сразу магнитом приковала к себе внимание путешественника. Да и хозяйка щурила и без того раскосые глаза на залетного мужчину в мундире, при сабле и пистолетах. Шикнув на прислугу, она сама взялась его обслужить.

— Из каких краев, красавец-барин? — спросила она, поднося ему на широком деревянном подносе густой калмыцкий суп махан из баранины, от которого так и валил пар, горячие блины с мясом только что со сковороды, хлеб и творожные лепешки с повидлом.

Слюнки потекли у проголодавшегося спутника от одного вида этой простой и роскошной еды.

— Из Санкт-Петербурга, добрая хозяйка, — ответил он, украдкой разглядывая ее неумемные смуглые груди, так и катившие вперед из открытого сарафана, и ползающие по ним змеями цветные бусы — круглые сердечки из красной яшмы. — Каких ты кровей?

Черные косы хозяйки были уложены тесными кольцами на голове, глаза весело блестели.

— Мать — калмычка, а в отце и казачья кровь, и татарская, и русской на глоточек. Только отца-то я и не знала. Наколобродил и ветром улетел. Гуленой был, как и большинство мужчин, — зачем-то лукаво добавила она. — Так что калмычка я. И лицом, и душой, и сердцем.

И слева подходила к нему хозяйка, и справа, и касалась его то бедром, то локтем, окатывая жаром бабье его тела, а то перед ним появлялась, как на ладони, да подбоченившись, по ту сторону стола — и завлекающе улыбалась.

— Ну как же ты на меня смотришь, а? — Лукавством горели ее чуть раскосые глаза. — А-я-яй!

— Как смотрю? — смутился путешественник.

— Да так, барин. Вижу, что приглянулась тебе. Честно скажи: права я?

— Отчего бы тебе не приглянуться мне? — все еще отчасти смущенно ответил Протопопов. — Ты — видная женщина.

— Вон ты какой, — усмехнулась она. — Все меня бабой кличут, а ты — женщиной. Непривычна я к таким словам — и обидеться могу.

Смутиться он не успел.

— Шучу я, барин, шучу я так глупо, — поторопилась объяснить она. — Сердце ты мое порадовал. Оно совсем не такое звериное, как тут думают многие. Мое сердце и ласковым может быть. Ведь и дикого кота приручить можно, хотя бы на время, пока он голоден, — со знанием дела кокетливо рассмеялась она.

Чувствовал Протопопов Иван, что и сам приглянулся красавице-хозяйке, и всякие мысли искрами сыпали в его сердце, обольщали и разгорались сильнее.

— А как же зовут тебя? — спросил он.

— Инджира, — все так же лукаво и многозначительно ответила та.

— Хлесткое имя. И что означает оно? Если означает?

— Еще как означает, барин. О том я позже тебе скажу. Ты откушай пока, мил-человек из столицы. Но вначале я тебе еще кое-что поднесу, как угощение от моего дома, не пожалеешь.

Она оглянулась, щелкнула пальцами, и взрослая девочка в длинном пестром платье, тоже калмычка, наверняка дочка хозяйки, поднесла большую бутылку с белой мутной жидкостью и две глиняные, с узорами, чашки.

— Что это? — морщась, спросил Протопопов. — Не молоко же?

— Нет, не молоко, — снисходительно рассмеялась она. — Наша калмыцкая водка, из кумыса сваренная, — такую изопьешь, небо алмазами вспыхнет. Арза называется. А чтобы ты не подумал чего, я с тобой выпью. За знакомство. Если ты не против, барин?

— Я не против, — ответил Протопопов. — Иваном меня зовут, кстати. И по батюшке я Иван.

— Кто бы сомневался, — глядя ему в глаза, весело кивнула она.

Села напротив, откупорила бутылку и разлила им по чашкам напиток.

— До дна пьем, за тебя, за гостя.

Выпил Протопопов, и голова его пошла кругом, и сердце забилось чаще некуда, а хозяйка расцвела степной своей красотой еще пуще.

— Хороша калмыцкая водка? — спросила Инджира.

— Очень хороша, — выдохнул он.

— А теперь поешь, поешь, а то с дороги устал, замлеешь раньше времени.

Путешественник сам не заметил, как проглотил горячий бараний суп с широкой горбушкой хлеба — и стал воистину счастливым.

— А теперь по второй выпьем, — сказала хозяйка. — Ты не против?

— Совсем не против, — замотал он головой.

И они выпили по второй чашке калмыцкой водки.

— Ну, и зачем ты к нам пожаловал? — спросила она. — Не по воле же императрицы, а?

— Нет, — замотал он головой. — По своей воле.

— И то хорошо. Ну так расскажи, какими путями тебя сердце водило, что ты здесь оказался. — Она потянулась к нему через стол и накрыла горячей рукой с нехитрыми перстеньками его руку, а потом и пальцы сжала. — А я послушаю. Я умею слушать, Иван, Иванов сын. Порой жду доброго гостя и месяц, и два, и три. Такого видного, как ты.

От ее прикосновения волна пошла кипятком к сердцу Ивана Протопопова, и он с радостью рассказал ей, зачем здесь. Идет он, мол, по следам проклятого бунтовщика Емельки Пугачева, ищет следы его. Собирает сказы, легенды и басни, которыми уже обрастает история страшного казачьего атамана. Хочет постоять у Камня Емельяна. А Инджира смотрела на него и улыбалась ему. А когда путешественник съел и другие блюда и выпил третью чашку калмыцкой водки, то показалась ему хозяйка постоялого двора и Семирамидой, и царицей Савской, и владычицей египетской Клеопатрой — всеми тремя одновременно.

Был он и сыт, и в меру пьян, и сладострастно зевнул ненароком.

— Идем, своими руками перинку тебе взобью, — сказала манящая хозяйка постоялого двора Инджира. И вновь взяла его за руку: — Поухаживаю за тобой, Иван. Ты же не против будешь?

И так и гуляла перед глазами Протопопова ее грудь, лишь немного стесненная сарафаном, и перекатывались по еще тугим смуглым холмам рдяные яшмовые сердечки. И стеснялся он смотреть на нее вот так открыто, и все равно смотрел. И видела она его взгляд, и улыбалась ему.

— Совсем не против, — кивнул он.

— Только свечи зажгу, — сказала она.

И тут некуда было деться от ее влекущей стати. Шел он за ней и смотрел, как ходят под сарафаном ее бедра. Вот ведь уродилась красотища в дикой-то степи!

Отперла она ключом дверь, пригласила войти. «Сколько ж повидала эта комнатка с огромной кроватью? — думал Протопопов. — Только б вшей не было...»

— Белье у меня чистое, накрахмаленное, — словно читая его мысли, предупредила Инджира. — Спать будешь как дитя в колыбельке.

Взбила хозяйка ему перину, укрыла ее свежими теми простынями, бросила стеганое цветастое одеяло. А он смотрел на ее руки и ее бедра, и голова у него кружилась. Дотянуться хотелось! Но слова он не сказал — только любовался. А когда она все сделала, то, сама ни слова не говоря, направилась к дверям.

Тут он и растерялся, и огорчился едва не до слез. Так не хотелось с ней расставаться! Но стоял как вкопанный и молчал. Потому что самый малый шаг его был

бы в одном направлении: обнять ее! Пленить! А хозяйка лишь закрыла дверь на щеколду, повернулась к нему и двинулась на него с улыбкой.

— Неужто думал — уйду?

— Думал, — со всей непосредственностью кивнул он.

— Глупенький ты, Иван.

Стоя в двух шагах от него, развязала она поясок и скинула через голову сарафан. И не было больше на ней ни лоскутка материи, и осталась она как есть. А он ошарашенно смотрел на нее, и только. Распустила хозяйка волосы, и те расплескались волнами по ее бедрам. Широкий куст между ног так и притягивал уже затуманенный взор путешественника. А ее огромная грудь, несомненно не раз носившая в себе молоко, грудь, что не поместилась бы и в четырех руках, и шести, коли бы столько было у Протопопова Ивана, с бурыми набухшими сосцами, так и совсем помutilа его рассудок.

— Готов? — спросила она.

— К чему? — пролепетал он, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди — мячиком летит прочь!

Она подошла к нему вплотную — как от горячей печи от нее шел жар.

— Ко всему, барин, о чем мечтал, глядя на меня.

— Готов, — едва выговорил он.

— Сядь, барин, на стул — сапоги стяну, — сказала она.

Он исполнил. Хозяйка стащила с него сапоги. Затем сама раздела его, и такими умелыми руками, что будь Протопопов Иван потрезвее, то о многом бы догадался, а за мундиром и нижнее белье смахнула с него. Как ветерком подуло — и нагим он остался перед ней.

— Красив ты, барин, и лицом, и телом, — только и сказала она. — Идем, милый.

Взяла его за руку и потянула в постель. Первой легла и широко раскинула ноги. Темные волосы ее волнами расплескались по подушке.

— Так что значит твое имя? — несмело двигаясь на нее, спросил он. — Инджира?

— Сладкий плод, — ответила хозяйка постоялого двора. — Знала мать, как назвать меня, наперед знала. — Ложись на меня, барин, — поманила она его. — Люби меня!

И он не посмел ослушаться — и лег на нее, потому что сам уже горел желанием. Но что его огонь был в сравнении с ее неистовым пламенем? Ее горячим телом можно было пожары чинить! Он как будто на печь лег, как в костер бросился! И тотчас весь растворился в ней. Потек по ней как кусок масла по раскаленной сковородке, разве что не зашипел! Откуда в ней был этот жар? Да она еще руками через спину обхватила его и ногами взяла в любовный замок. Ни с одной из петербургских дам, коих было три в его интимной жизни, и ни с одной из столичных куртизанок и особ легкого поведения, коих было значительно больше, Протопопов Иван ничего подобного не испытывал.

Полночи они варились в том любовном котле на самом неужержимом огне. И когда рассвет уже близился, крался по серой и прохладной ковыльной степи к постоялому двору, глядя на красоту, раскинувшуюся перед ним в полумраке, при двух еще горевших свечах, он спросил:

— Бунтарь Емельян Пугачев проходил через ваши земли со своей ордой?